

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

С.Н. Рубцов,

заместитель директора Красноярского
института железнодорожного транспорта
по учебной работе,
доктор исторических наук

Д.Б. Кавецкий,

старший преподаватель кафедры
тактико-специальной и огневой
подготовки
ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России

Статья посвящена деятельности судебно-следственных органов Иркутской губернии в период установления в ней Советской власти в первой половине 1918 г. Авторами статьи исследована деятельность Советских органов правосудия по их форме и содержанию.

Анализ практической деятельности Советских органов правосудия показывает, что в данный период, не смотря на полностью обновившийся кадровый состав, судебно-следственная система содержанием своей деятельности соответствовала не столько требованиям диктатуры пролетариата, сколько нормам дореволюционной законности.

The article is devoted to the activities of the judicial and investigation authorities of the Irkutsk province in the period of establishing there the Soviet power in the first half of 1918. The authors investigated the activities of the Soviet bodies of justice in their form and content.

The analysis of practical activities of the Soviet organs of justice shows that in this period, despite the completely renewed the staff, the investigative and judicial system of the content of their activities consistent with not so much the requirements of the dictatorship of the proletariat, as the norms of the pre-revolutionary legality.*

Построение развитого гражданского общества и устойчивой демократии, позволяющей в полной мере обеспечивать права человека, гражданские и политические свободы, рассматривается в послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации в качестве одной из главных целей осуществляемых в стране преобразований. В связи с этим повышение качества правосудия, совершенствование судопроизводства и его постоянная адаптация к потребностям государства и общества названы в Концепции федеральной целевой программы, посвящённой развитию судебной системы в 2013-2020 гг., «неотъемлемой частью последовательно проводимого демократического процесса в России»[1].

Вместе с тем, результаты изучения правоохранительной деятельности периода становления советской власти на территории

* Rybcov S., Kavezkii D. Proceedings of the initial period of the soviet power on the territory of the Irkutsk province: the form and content of the

Иркутской губернии свидетельствуют о том, что адаптация судопроизводства к потребностям государства и общества требует не только времени, но и соответствующей теории и практики. Большевики создавали принципиально новую как по структурной организации, так и по составу служащих судебную систему. Тем не менее, содержание её работы не соответствовало характеру их политической власти.

Уже во второй декаде января 1918 г. начал работать губернский Революционный трибунал, занявший помещение бывшего Военно-окружного суда. Членами его президиума Иркутский Совет рабочих депутатов назначил рабочих П.П. Постышева, М.П. Локацкова и служащего Л.Д. Муллера. Кроме того, П.П. Постышев стал председателем Революционного трибунала, а Л.Д. Муллер - председателем следственной комиссии[2]. Помимо губернского центра Революционные трибуналы действовали также в городах Зима и Бодайбо[3].

Согласно распоряжениям Советской власти и официальному заявлению, компетенции Революционного трибунала «подлежали дела о лицах:

а) которые организуют восстание против власти рабоче-крестьянского правительства, активно противодействуют последнему, не подчиняются ему;

б) которые пользуются своим положением по государственной и общественной службе чтобы нарушить или затруднить правильный ход работ в учреждении и предприятии, в котором они состоят или состояли на службе (саботаж, сокрытие или уничтожение документов или имущества и т.п.);

в) которые прекращают или сокращают производство предметов массового потребления без действительной к тому необходимости;

г) которые путем скупки, сокрытия, порчи, уничтожения предметов массового потребления или иными способами стремятся вызвать их недостаток на рынке и повышение цен на них;

д) которые нарушают декреты, приказы, обязательные постановления и другие опубликованные постановления органов рабоче-крестьянского правительства, если в них предусмотрено предание за нарушение их суду Революционного Трибунала;

е) которые пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляют властью, предоставленной им революционным народом»[4].

Согласно постановлению Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 декабря 1918 г. «О революционных трибуналах печати» и соответствующему Декрету Совета народных комиссаров РСФСР от 28 января 1918 г., устанавливалось также, что «преступления против народа, совершаемые путем использования печати, подлежат ведению особо

учрежденного трибунала печати». Однако на территории Иркутской губернии, как и Сибири в целом, такие трибуналы не создавались[5].

Помимо губернского Революционного Трибунала на территории региона с марта 1917 г. под председательством А.Д. Кулехова действовал и железнодорожный Революционный Трибунал в составе Н.А. Кривошеина, М.В. Миронова, Н.В. Трифонова. На своих заседаниях он рассматривал дела, связанные с работой железнодорожного транспорта и деятельностью железнодорожных служащих.

Во второй половине января 1918 г. в Приангарье началось формирование системы народных судов. Приступив к исполнению второго пункта Декрета Совета народных комиссаров РСФСР «О суде» № 1, судебный отдел Комитета советских организаций Восточной Сибири стал принимать заявления от граждан, имевших юридическое образование и желавших баллотироваться в народные судьи. Одновременно составлялись списки «очередных заседателей», избравшихся местными советами и трудовыми коллективами.

Ключевой задачей народных судов местные руководители Советской власти считали защиту интересов городской и деревенской бедноты, а также искоренение «волочитства, столь свойственного», как заявляли они, «упраздненным учреждениям судебных установлений»[6].

На смену военным судебно-следственным учреждениям Временного правительства в войсках Иркутского военного округа пришли, как устанавливалось соответствующим приказом, «товарищеские суды для разбора проступков, понижающих звание гражданина воина»[7]. Они могли назначать «взыскания от выговора до лишения очередного отпуска и назначения на хозяйственные работы в частях, на срок до двух недель», рассматривая поступавшие к ним дела «в 24 часа», «публикуя» принятые решения «в приказе по части» и сообщая «по месту прежнего жительства». За совершение более серьезных проступков «по службе и против революции» предусматривалась передача обвиняемых в революционные суды, действовавшие «при местных советах рабочих и крестьянских депутатов».

В новых учреждениях предстояло работать и новым служащим. Прежние чиновники, а также представители нотариата, присяжной и частной адвокатуры на своём собрании, которое проходило 3 января 1918 г. в здании судебных установлений, решили не признавать советскую власть, отказавшись от сотрудничества с нею[8]. Комиссары Г.Н. Шварц, М.А. Андерсон и С.Е. Спиридонов, уполномоченные Комитетом советских организаций Восточной Сибири 5 января 1918 г. официально прекратить деятельность Иркутской судебной палаты, Иркутского окружного суда и прокурорского надзора, не получили поддержки у чиновников судебного ведомства[9].

Общее собрание служащих уголовного и гражданского департаментов Иркутской судебной палаты, состоявшееся 5 – 6 января 1918 г., в специально принятой резолюции протестовало против «прекращения деятельности судебных учреждений». Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 22 ноября 1917г. «О суде» №1, названный собравшимися декретом «об уничтожении существующих судов», был признан «незакономерным», поскольку Совет народных комиссаров «не является общепризнанной народной властью». Кроме того, «закрытие действующих судебных органов до формирования новых судов» квалифицировалось как антиобщественное, лишавшее граждан «на неопределенное время судебной защиты». Собравшиеся выразили уверенность в том, «что полномочное Учредительное собрание закономерно реформирует судебные учреждения и утвердит обновленный независимый суд»[10].

Товарищ председателя Иркутского окружного суда П.П. Смирнов в присутствии прокурора судебной палаты С.С. Старынкевича на требование комиссара М.А. Андерсона передать ему «все дела, имущества и денежные суммы суда» заявил о том, «что ни наркомов, ни совдепов, мы не признаем, и ничего сдавать не будем, а просто покидаем здание суда» [11].

Участникам немедленно созванного 5 января 1918 г. общего собрания отделений суда П.П.Смирнов, согласно протокольной записи, сделал «словесное сообщение о том, что комиссар от Иркутского Совета солдатских и рабочих депутатов потребовал прекращения деятельности суда и передачи ему дел и имущества суда». Было решено «приостановить деятельность суда в виду невозможности продолжать отправление правосудия, о чем для сведения и исполнения дать знать всем подведомственным судам лицам и судебным учреждениям»[12].

Председатель губернского собрания присяжной адвокатуры Г.П. Устюжанинов 9 января 1918 г. от имени собравшихся заявил «об игнорировании местной присяжной адвокатурой декрета Ленина о закрытии судов», предложив принять меры по отношению к адвокатам, участвующим «в большевистских судебных учреждениях». Большинство участников состоявшихся прений советские суды признали «антиобщественными организациями», решив морально воздействовать на тех адвокатов, которые примут участие в «большевистских судебных учреждениях»[13]. Вместе с тем, как свидетельствует протокол собрания, небольшая группа его участников из 27 человек заявила о том, что «нельзя бросить людей, нуждающихся в защите» и решила «участвовать в суде, как политические борцы»[14].

Только мировые судьи продолжали работать в январе 1918 г. Согласно Декрету Совета народных комиссаров «О суде» № 1 от 22 ноября 1917г., они могли действовать вплоть до выборов местных судей. Впоследствии многие мировые судьи были выбраны судьями в народные

суды. Однако судьи Иркутской судебной палаты и окружных судов отказались служить большевикам. Из видных представителей Иркутской адвокатуры только один С.Я. Наркевич признал новую власть, став юрисконсультom в судебном отделе Комитета советских организаций Восточной Сибири [15].

Однако новая как по структурной организации, так и по составу служащих судебнo-следственнaя система содержанием своей деятельности соответствовала не столько требованиям диктатуры пролетариата, сколько нормам дореволюционной законности. Это показывает анализ практики функционирования её учреждений в 1918 г. Так, уже на первом заседании Революционного трибунала 24 января 1918 г. юнкеру Павловскому, обвинявшемуся, как показывают судебные документы, «в похищении оружия из военного училища с контрреволюционной целью», было решено объявить подсудимому «общественный выговор и из-под стражи освободить».

Несмотря на требование выступавшего обвинителем анархиста Пережогина применить к обвиняемому высшую меру наказания «чтобы другими неповадно было», судьи заявили о том, что «свидетельскими показаниями все положения следователей в пользу контрреволюционности Павловского были опровергнуты» [16].

Оправдательный вердикт вынесли и по результатам второго заседания Революционного трибунала, рассматривавшего дело по обвинению бывшего прокурора Иркутской судебной палаты С.С. Старынкевича в незаконном освобождении из тюрьмы редактора газеты «Сибирь» И.Г. Гольдберга. Вместе со С.С. Старынкевичем на скамье подсудимых оказались помощник начальника губернской тюрьмы И.И. Кисленко и младший надзиратель И.Л. Вьюшков, выполнившие указание прокурора об освобождении И.Г. Гольдберга.

Предварительным следствием было установлено, как написано в его документах, что в 3 часа ночи 3 января 1918 г. «воинский наряд армянской дружины, предводительствуемый секретарем Иркутского комитета РСДРП(б) Шевцовым», арестовал И.Г. Гольдберга по предписанию комиссара охраны г. Иркутска Дмитриевского. Помещённого «в одиночную камеру» И.Г. Гольдберга обвинили в распространении лживых сведений о действиях советских войск [17].

К полудню следующего дня в тюрьму прибыл прокурор Иркутской судебной палаты С.С. Старынкевич и «потребовал на просмотр бумаги об аресте» И.Г. Гольдберга. «Усмотрев, что арест произведен по предписанию какого-то неизвестного судебным властям лица и без соблюдения, каких бы то ни было гарантий прав гражданина», С.С. Старынкевич «настоял на освобождении» И.Г. Гольдберга. Через несколько дней после этого, 8 января 1918 г., С.С. Старынкевича арестовали на основании ордера, подписанного всё тем же Дмитриевским [18].

Как следует из «Официального доклада следственной комиссии по делу С.С. Старынкевича», опубликованного иркутскими газетами, бывший прокурор обвинялся в «незаконном освобождении» И.Г. Гольдберга «даже с точки зрения старых законов, а с точки зрения революции он обвинялся в противонародных действиях». Служащим тюрьмы предъявили обвинение «в попустительстве при исполнении своих служебных обязанностей, выразившимся в ущербе народным интересам» [19].

На судебное заседание, по сообщениям газетных репортёров, явилось большое количество «публики, пропускавшейся по билетам». Зал заседания был переполнен. Многие из пришедших были вынуждены находиться в вестибюле, на лестницах и на улице.

Представлять интересы С.С. Старынкевича на судебном процессе взялся хорошо известный в регионе опытный адвокат и общественный деятель В.Г. Дистлер. Уже в самом начале судебного заседания он стал задавать председателю Революционного трибунала П.П. Постышеву вопросы об организации, составе и партийности суда. Затем начались дебаты относительно законности суда, прав защиты, порядка проведения заседания, повышенного тона и поведения председателя между В.Г. Дистлером и поддержавшим его С.С. Старынкевичем, с одной стороны, и П.П. Постышевым, с другой. По единодушному мнению наблюдателей, это был «допрос, интеллектуальное избиение бывшего солдата Постышева двумя опытнейшими юристами» [20]. В ходе суда обвиняемый и его защитник указывали терявшему самообладание председателю Революционного трибунала на неумение вести заседание, вынуждая его постоянно оправдываться.

После предложения В.Г. Дистлера «прервать заседание до того времени, когда вы научитесь судить» [21], П.П. Постышев лишил защитника слова и объявил перерыв, распорядившись затем продолжить судебный процесс «в 1-ом общественном собрании», где в то время проходил краевой съезд крестьян. Стремясь заручиться поддержкой крестьянства, П.П. Постышев выступил перед делегатами.

Он заверял их в решимости Советской власти «стереть с лица земли» всё, ей противное. Жаловался «на то, что большевиков бросила интеллигенция, руководившая ими при царском режиме в подпольях, бросили юристы». «Рабоче-крестьянский суд, - говорил председатель Революционного трибунала, - делая первые неопытные шаги, допускает ошибки», а юристы «хихикают и устраивают дебоши» [22]. С.С. Старынкевич также выступил перед делегатами съезда «со своим заключительным словом», показав профессиональную несостоятельность своего оппонента.

В результате, согласно тексту официального сообщения, «Старынкевичу было объявлено общественное порицание, а прочие обвиняемые были оправданы» [23]. Получив оправдательный вердикт, С.С.

Старынкевич 2 февраля 1918 г. прочитал в 1-ом общественном собрании лекцию на тему «Суд народный и революционный трибунал», а затем выехал «на место своей новой службы» в Забайкалье, где «был избран комиссаром юстиции при Забайкальском народном совете» [24].

29 марта 1918 г. Революционный трибунал оправдал подсудимого М.А. Смоленского, для которого обвинитель требовал высшей меры наказания. Антрепренеру М.А. Смоленскому, как следует из материалов дела, предъявили обвинение «в призыве к противодействию Советской власти и агитации против неё» во время поставленного им спектакля «в пользу юнкеров». Явившиеся на спектакль представители культпросветотдела Комитета советских организаций Восточной Сибири потребовали от М.А. Смоленского заплатить налоги «на зрелища и в пользу союза кино».

Антрепренер ответил «категорическим отказом» и обратился со сцены к публике с пожеланием «увидеть сон – учредительное собрание». Пожелание вызвало в зале театра «по адресу» сборщиков налогов «тюканье и улюлюканье», крики «долой, бей большевиков». Покинув театр, советские работники подали соответствующее заявление в Революционный трибунал. Они же выступали свидетелями со стороны обвинения на судебном процессе. М.А. Смоленский сумел доказать, что с него пытались собрать уже отмененный налог. За вынесение оправдательного приговора «публика (как писали в газетах – Авт.) наградила суд шумными аплодисментами» [25].

Либерализмом отличалась деятельность Революционного трибунала и в тех случаях, когда выносились обвинительные заключения. Об этом свидетельствует, в частности, дело по обвинению редактора газеты «Иркутская жизнь» Н.М. Доброхотова в «преступлении против народа, совершенного путем использования печати, выразившееся в призыве поддержать забастовку».

В середине января 1918г. на территории Приангарья бастовали железнодорожные служащие, заявившие своё нежелание «подчиняться советской власти и главному дорожному комитету». В связи с этим газета «Иркутская жизнь» 19 января 1918г. в одной из своих публикаций предложила бастовавшим «не беспокоиться о материальных средствах, так как они для них будут изысканы». Большевики справедливо увидели в этом призыв к продолжению забастовки, квалифицируя подобные действия как саботаж.

Вскоре, 21 января 1918 г., Н.М. Доброхотов был арестован и в тот же день отпущен под залог в 1000 рублей. На суде он доказал свою нетрудоспособность из-за болезни в день выхода газеты в свет. После этого его обвинили в том, «что газета не приняла мер к ускорению окончания конфликта статьями и заметками о необходимости прекратить забастовку».

По свидетельству современников, «из публики выступил обвинителем некий Ярославский, одетый в студенческую форму, который убедительно просил суд обвинить гражданина Доброхотова, так как заметка по характеру своему является контрреволюционной». Однако и подсудимый имел возможность защитить себя, указав в своем выступлении «на стремление обезвредить печать и принудить её молчать о том, что неприятно».

Революционный трибунал, избегая крайностей, решил «оштрафовать Н.М. Доброхотова на 1000 рублей, с заменой в случае неуплаты заключением в тюрьме на 2 месяца» [26].

Революционный трибунал привлекал к ответственности также издателей газеты «Свободный край» Б.И. Алкуновича и Н.Н. Алексеева, опубликовавших воззвание атамана Семенова. Во время судебных слушаний 26 февраля 1918 г. «подсудимые отвергли все обвинения и возложили ответственность за напечатание воззвания на редакционный коллектив», отказавшись объяснять «из кого же состоит этот коллектив». Признав Б.И. Алкуновича и Н.Н. Алексеева виновными «в преступлении против революционного народа», Революционный трибунал приговорил их к 6 000 рублей штрафа, с его заменой «в случае несостоятельности» тремя месяцами общественных работ «в одной из копей Сибири» [27].

Даже в Бодайбо за критику Советской власти Революционный трибунал лишь объявил виновным общественное порицание. Это тем более удивительно, что здесь жили в основном приисковые рабочие, потребовавшие, согласно воспоминаниям председателя местного Совета И.А. Захарова, посадить в тюрьму членов редколлегии газеты «Наша мысль», обвинивших представителей новой власти в злоупотреблениях и взяточничестве, а также «вытащивших на свет грязную версию о пломбированном вагоне Ленина и о продажности вождей Октябрьской революции» [28].

На заседании Революционного трибунала, состоявшегося под председательством машиниста железнодорожного депо «товарища Кулакова» после двухнедельного следствия, виновность обвиняемых была «полностью установлена». Однако во внимание приняли «революционное прошлое» подсудимых. Тем не менее, после вынесения приговора, по свидетельству И.А. Захарова, шахтеры и красногвардейцы, «возмутившись мягкостью приговора бросились на сцену с оружием в руках и охватив плотным кольцом, как подсудимых, так и судей, объявили их арестованными». Не без труда, но шахтеров и красногвардейцев утихомирили, а членов редколлегии газеты «Наша жизнь», по решению Исполнительного комитета местного Совета в интересах безопасности выслали за пределы территории приисков [29].

Характерно, что в тех редких случаях, когда Революционный трибунал выносил относительно суровые приговоры, рассматривались, как

правило, дела служащих советских учреждений или уголовных преступников. Например, к восьми месяцам общественных работ был приговорён 2 мая 1918 г. «гражданин Ротзен», являвшийся одним из командиров формировавшейся тогда Сибирской красной армии и обвинённый «в укрывательстве документов, могущих способствовать контрреволюционному движению и не осведомлению советской власти о существовании союза офицеров, поставившего целью низложение Советской власти» [30].

К десяти годам тюремных работ приговорили 29 мая 1918 г. «за расхищение народных денег гражданина Филипповича» и к двум годам общественных работ «за распространение провокационных слухов гражданина Козловского» соответственно 29 и 30 мая 1918 г. На восемь лет общественных работ был осужден 10 июня 1918 г. один из руководителей Иркутской милиции Т.М. Гелимеев, уличённый в вымогательстве и присвоении денег, отобранных у арестованных.

К расстрелу был приговорён 5 января 1918 г., как сказано в обвинительном документе, «бандит Висневский», задержанный «после очередного ограбления и убийства сторожа больницы; ограбивший и убивший десятки людей» [31].

Неслучайно 163-х участников антисоветского восстания, поднятого в Иркутске ночью с 13 на 14 июня 1918 г., судил не Революционный трибунал, а специально созданный для этого Военно-революционным штабом Иркутского гарнизона Военно-полевой суд, председателем которого назначили руководителя следственной комиссии Революционного трибунала Л.Д. Муллера, а членами - представителей Центросибири Ф. Лыткина, П. Парнякова, К. Волка, А. Якимова и Прокопьева. Восставшие, большинство из которых являлось офицерами Российской императорской армии, сумели захватить здание тюрьмы, убив ее начальника А-Я. К. Аугула с помощником и выпустив на свободу противников Советской власти [32].

Ориентируясь на теорию и практику российского судопроизводства досоветского времени, представители формировавшейся большевиками судебной-следственной системы руководствовались не столько «велемием революционной совести», сколько требованиями закона. В результате принимавшиеся ими решения часто противоречили интересам новой власти. В связи с этим имелись даже протестные выходы участников Революционного трибунала из его состава. Наиболее известный связан с именем М. Горелика, который в своём заявлении с просьбой об исключении из состава Революционного трибунала г. Петрограда, назвал его учреждением, «наносящем громадный вред» делу революции. По мнению М. Горелика, трибунал являлся судом «над самим собой и трибуной для публичных выступлений привлекаемой стороны» [33].

Неудивительно, что в ноябре 1918 г. решения I Всероссийского съезда председателей Революционных трибуналов указывали на низкую эффективность их борьбы с контрреволюцией в первые месяцы существования Советской власти, называя «процессуальные порядки» того времени следствием увлечения «декоративной стороной процесса» [34].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/09/sudebnaya-dok.html> (дата обращения 29.11.2012)
2. Л.Д.Муллер. Деятельность Революционного трибунала. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. С. 142.
3. И.А.Захаров. В Ленской тайге. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. С. 218.
4. Суд.// Новая Сибирь –1918. – 30 января. – С. 3.
5. Пьянова О.А. "Революционные трибуналы Западной Сибири, конец 1917 – начало 1923 гг.": дис. к.и.н.:07.00.02. – Омск, 2002. С. 54.
6. В местном народном суде. // Власть труда. –1918. – 11 мая. – С. 2.
7. Суды. // Новая Сибирь. 25 января 1918г. С. 3.
8. В судебном ведомстве // Свободная Сибирь – 1918. – 11 января. – С. 3.
9. ГАИО. Ф. 243; Оп 8; О.Ц. 48; Л. 7.
10. В судебном ведомстве // Свободная Сибирь – 1918. – 11 января. – С. 3.
11. ГАИО. Ф. 243; Оп. 8; О.Ц. 48; Л. 7.
12. ГАИО. Ф. 243; Оп. 8; О.Ц. 48; Л. 14.
13. Среди адвокатуры. // Свободная Сибирь. – 1918. – 12 января. – С. 3.
14. Среди адвокатуры. // Свободная Сибирь. – 1918. – 12 января. – С. 3.
15. Среди адвокатуры. // Свободная Сибирь. – 1918. – 12 января. – С. 3.
16. Революционный трибунал. // Новая Сибирь. – 1918. – 26 января. – С. 3.
17. Подробности ареста редактора «Сибири» И.Г.Гольдберга. // Свободная Сибирь. – 1918. – 6 января. – С. 2.
18. Арест прокурора Иркутской судебной палаты. // Свободная Сибирь. – 1918. – 11 января. – С. 3.
19. В революционном трибунале. // Новая Сибирь. – 1918. – 27 января. – С. 3.
20. В революционном трибунале. // Новая Сибирь. 1918. – 28 января. – С. 2. (Слова Постышева: «Вы učinяете суду рабочих и крестьян допрос. Народному суду допрос».)
21. В революционном трибунале. // Понедельник. – 1918. – 18 февраля. – С. 3.
22. В революционном трибунале. // Новая Сибирь. – 1918. – 28 января. – С. 2.
23. В революционном трибунале. // Понедельник. 1918. – 18 февраля. – С. 3.
24. Прокурор Иркутской судебной палаты. // Иркутские вести. 1918. – 30 января. – С. 3.
25. Дело Смоленского // Друг народа – 1918. – 29 марта. – С. 2.; Арест в суде // Друг народа – 1918. – 28 марта. – С. 3.
26. В РТ // Новая Сибирь – 1918. – 14 февраля. – С. 3.
27. В РТ // Власть труда. – 1918. – 28 февраля. – С. 3.
28. И.А.Захаров. В Ленской тайге. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. -Иркутск, 1957. С. 2.

29. И.А.Захаров. В Ленской тайге. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. -Иркутск, 1957. С. 2.

30. В РТ. // Власть труда – 1918. – 11 мая. – Стр2; В РТ. // Наше знамя – 1918. – 5 мая. – С. 3.

31. Л.Д.Муллер. Деятельность Революционного трибунала. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. С. 146.

32. Л.Д.Муллер. Деятельность Революционного трибунала. // «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии». Восп. активных участников Вел. Октябрьской революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. С. 150.

33. Любопытный документ // Друг народа. – 1918. – 3 апреля. – С. 2-3.

34. Пьянова О.А. "Революционные трибуналы Западной Сибири, конец 1917 – начало 1923 гг.": дис. к.и.н.:07.00.02. – Омск, 2002. С. 43.